

Людмила Горелик

Пушкинское «самостоянье» в личности Ю.М. Лотмана

Мне посчастливилось познакомиться с Ю.М. Лотманом благодаря затруднительным обстоятельствам — такой оксюморон. И сейчас я этим трудным обстоятельствам даже благодарна. Я работала в Борисоглебском пединституте, в 1977 году завершила кандидатскую диссертацию, которую писала как соискатель, под руководством смоленского профессора (тогда еще доцента) В.С. Баевского. Знакомство с Лотманом произошло из-за сложностей с ее защитой. Диссертация была стиховедческая, с использованием точных методов, что не поощрялось, а в моем случае (никому не известный молодой исследователь из крохотного провинциального педвуза) оказалось даже фактически запрещено. Во всяком случае, требуемые для защиты статьи пришлось депонировать (в печать не брали), а диссертацию к защите ни один из столичных вузов (где были сосредоточены диссертационные советы) принять не захотел. Чаще всего ее не соглашались даже взять в руки. Просто отказывали — и все.

После трех лет бесплодных поисков В.С. Баевский обратился к Ю.М. Лотману с просьбой посмотреть мою диссертацию, и он согласился! Я привезла свою работу в Тарту январским морозным утром. Оставила на кафедре. Примерно через месяц научный руководитель сообщил мне, что работа понравилась и Ю.М. Лотман даже высказал желание оппонировать. Забирала диссертацию я уже из его рук. Тогда я впервые увидела Ю.М. Лотмана и З.Г. Минц, побывала в их квартире...

Все в этой квартире показалось мне прекрасным. И замечательная собака Джерри — большой беспородный пес, — дружелюбно встретившая меня в заваленной одежде и обувь прихожей, и комната, куда меня провели, — с печкой у стены, с большим столом посередине, и открытая из прихожей дверь в кабинет Юрия Михайловича — через этот проем видны были стоящие в ряд стеллажи, — как в библиотеке... И еще три закрытые двери: одна, также из прихожей, вела в крохотный кабинетик Зары Григорьевны, а две из гостиной — в комнаты сыновей. Из этой же гостиной была и дверь в кухню — впоследствии мне приходилось неоднократно пить там чай с Зарой Григорьевной.

До того мне редко приходилось видеть настоящих ученых. Ю.М. Лотман поразил полным отсутствием академического высокомерия или какой-нибудь позы. Не был он похож и на небожителя. По моему тогдашнему опыту это было редкостью. Помню, что он поинтересовался, есть ли мне, где переночевать: в Тарту было совсем плохо с гостиницами. К счастью, я сумела устроиться в комнате отдыха на вокзале, но по тому, как был задан вопрос, уверена: в случае полной бездомности он принял бы участие в моем устройстве.

Позднее мне довелось много раз бывать в этом доме, и я не раз удивлялась, насколько великий ученый внимателен к житейским трудностям других — студентов, аспирантов... Помню, например, как он сокрушался по поводу слишком легкой осенней одежды студентки ТГУ Люды, так же, как я, пришедшей к нему читать: ЮрМих (так звали его студенты) легко выдавал книги из своей огромной библиотеки всем нуждающимся, но после нескольких невосполнимых пропаж особо ценные перестал выдавать, а приглашал читать их в его ка-

бинете... Да, помню, как мы несколько вечеров читали втроем (ЮрМих, Люда и я), сидя в креслах за журнальным столиком...

Эти счастливые вечера стали возможны, потому что время моей защиты совпало со временем плановой стажировки, и у меня (редкий случай) хватило ума пройти эту стажировку в Тарту. Да, с сентября по ноябрь включительно 1981 года я жила в Тарту, посещала спецкурсы ЮрМиха и Зары Григорьевны, очень часто бывала у них в доме.

Дом этот был чрезвычайно открыт. Зара Григорьевна была общительна — непосредственна в общении, открыта. Юрий Михайлович это свойство жены одобрял и поддерживал. У меня сложилось впечатление, что работали они в основном по ночам. Днем в их квартиру постоянно приходили студенты, аспиранты, звала Зара Григорьевна и меня, стажерку. Да, в те три месяца мне приходилось часто обедать в гостиной Лотманов или пить чай с Зарой Григорьевной на кухне. Больше я общалась с ней, но и Юрий Михайлович нередко присоединялся и принимал участие в беседе. Видела я его и в университете, и на защите моей он был оппонентом, а перед этим кандидатский экзамен я сдавала тоже ему. В составе комиссии было три человека, но вопросы мне задавал преимущественно Ю.М. Лотман. А длился мой экзамен (именно опрос) почти три часа! Вот как серьезно относился ЮрМих к преподавательской работе. Тщательность проверки соединялась с большой доброжелательностью к экзаменуемому. Эти же качества он проявил как оппонент.

Я уже опубликовала два обширных воспоминания о тартуских встречах¹⁶. Здесь, чтобы не повторяться, напишу только об одном свойстве многогранной личности ЮрМиха. Это редкое качество стало понятным мне не сразу. С годами я все чаще вспоминаю важный разговор с Ю.М. Лотманом, увы, нелестный для меня, но многое открывший. Пожалуй, мимоходом, отнюдь не собираясь учить и воспитывать, он указал мне жизненное направление.

Это было уже после моей защиты, ближе к концу стажировки. Мы сидели втроем в большой комнате — она исполняла роль гостиной и столовой, — Юрий Михайлович, Зара Григорьевна и я. Хозяева стали расспрашивать о моей жизни, о дальнейших планах. Услышав, что я живу в общежитии, ЮрМих воодушевленно (как я уже говорила, он был внимателен к быту собеседника и очень доброжелателен) заметил: «Ну, теперь, после защиты, Вы, наверно, скоро получите квартиру!».

В ответ я начала, как это было принято в моей среде и как подсказывал мой жизненный опыт, приbedняться: «Вряд ли. В Борисоглебске квартиры дают с трудом. А уж мне тем более не светит, хорошо хоть на работу взяли». И пояснила, что приехала работать в Борисоглебский пединститут после долгих бесплодных поисков педагогической работы в Смоленске, что город это районный, маленький... И тут я заметила холод в глазах Юрия Михайловича. «Но ведь и Тарту — маленький город, — сказал он. — И здесь не было такой кафедры, когда мы приехали...».

Он не договорил, но мысль была ясна: человек сам строит мир вокруг себя и именно от него зависит, каким этот окружающий его мир станет. Удивительная, просветительская мысль! Тогда, в октябре 1981-го, я ее, конечно, отметила,

16 Горелик Л.Л. Осень в Тарту // Русская филология / Ученые записки. Смоленск: Траст-имаком, 1994. С. 18—30; О Юрии Михайловиче Лотмане. Интервью с Л.Л. Горелик (беседу вела Татьяна Пастернак) // Край Смоленский. 2016. № 3. С. 55—61.

но не поняла всей ее глубины и важности для понимания личности Юрия Михайловича. Как это свойство формировалось и осознавалось им самим, я поняла позже — отчасти из его трудов.

Конечно, ЮрМих был серьезным академическим ученым, новатором и первопроходцем в науке, тут никто не посмеет возражать, это очевидно. Вместе с тем в его работах чувствуется огромная научная интуиция, свободный полет, свойственный скорее художнику. Читая его строго доказательные, в меру научно-суховатые труды, видишь и авторское отношение — видишь, что многое в описываемых (открываемых) явлениях затрагивает его лично. Его не оставляли равнодушным вопросы этики и ума. В книгах о Карамзине и Пушкине он показывает попытки жизнестроительства по принципам «самостоянья человека».

Короткое знакомство с Юрием Михайловичем приоткрыло мне, что и свою жизнь он строил по этим принципам. Не буду сейчас пересказывать всем хорошо известные этапы биографии Лотмана, показывать, сколь многое ему приходилось преодолевать и как легко, красиво, без жалоб и пеней он это умел делать. Ему хватало сил и на шутки, и на семейный быт, и на встречи с друзьями, и на опеку студентов-аспирантов. И все это на фоне непрерывного, тяжелого, требующего большого умственного напряжения труда. В письмах, в воспоминаниях возникает «это веселое имя» — Лотман. И у него был очень сильный характер. Сердился он редко, но не послушаться его было нельзя. Мне довелось наблюдать его гнев всего дважды. Один раз Джерри пришел в кабинет и помешал работать. «Уйди отсюда!» — повернулся к нему ученый, и обычно не очень-то послушная собака сразу молча удалилась. Второй раз при сдаче кандидатского он сделал замечание задавшей неуместный вопрос недавней своей студентке. «А Павел Семенович разве не придет?» — спросила она, прекрасно зная, что П.С. Рейфман в этот день провожает сына в США — тогда это была разлука навек. «А Вас это не должно волновать!» — ЮрМих сказал это не громко и без раздражения, однако так, что, будь на месте той девушки я, я просто провалилась бы сквозь землю. И все.

О том, как стойко, без видимого волнения и жалоб он умел держать удар, свидетельствует история с аспирантурой, которой его, лучшего студента, фронтовика, члена партии (вступил на фронте) так подло лишили. Она не помешала ему защититься в срок и стать ученым. А когда я была на стажировке осенью 1981 года, я с удивлением узнала, что Ю.М. Лотман числится на кафедре зарубежной литературы... Фактически он, конечно, не оставлял свою кафедру. Мелкая придирка комиссии (мол, на одной кафедре муж и жена) была изящно обойдена таким образом.

Возможно, эту неизменную верность себе, своим этическим принципам и своему пути, которая сохраняется человеком в любых обстоятельствах, Ю.М. Лотман отчасти почерпнул из русской литературы. Думаю, его личности это качество было свойственно от природы, однако погруженность в русскую литературу, глубокое погружение в биографии Карамзина и Пушкина (о которых он, как известно, писал), должны были укрепить это редкое и благородное качество.

Короткий, в общем, период знакомства с Юрием Михайловичем оказал на меня большое влияние. Разумеется, я благодарна ему за помощь при защите кандидатской — он не побоялся сложностей с защитой «крамольного» стиховедческого труда, не побоялся взять эти подсчеты в руки, внимательно ознакомиться с ними и высказать свое мнение. Но не менее я благодарна судьбе и за возможность, пусть недлительного, общения с этим человеком.

Когда мою кандидатскую утвердили в ВАКе, Ю.М. Лотман прислал коротенькое поздравление. На открытке изображена модель небольшого кораблика под ало-полосатыми парусами, на борту название — «Некман-Грундъ». На обратной стороне есть пояснение, что это плавучий маяк, который должен оставаться на своем месте даже во время большого шторма. С годами я в этой открытке начала находить некую символику — хотя, может быть, изначально никакой символики не было. Но я ее для себя там нашла, и, когда бывают в жизни штормы, на эту открыточку смотрю.

Галина Пономарева

Осколки воспоминаний о Ю.М. Лотмане

У меня в руках детский калейдоскоп. Я его медленно верчу. Осколки воспоминаний складываются каждый раз в причудливую мозаику.

Запах роз

Тарту. 1980-е годы. Работаю в Тартуском университете и учусь в заочной аспирантуре. Вошла в квартиру в доме на улице Бурденко, где жили Ю.М. Лотман и З.Г. Минц. Вручила цветы Заре Григорьевне. Она равнодушно сказала: «Не в коня корм». Тут же вклинился Юрий Михайлович: «Вы бы ей лучше бутерброд с колбасой принесли. А цветочки я возьму к себе в кабинет, если позволите». Кивнула головой. А Юрий Михайлович мгновенно впился носом в розы, как пчела. Вдыхал аромат. Я любовалась. Он с сожалением поднял голову от цветов и ушел с цветами в свой кабинет.

Еще о розах

В начале 1980-х годов Юрий Михайлович увлекался изучением правого и левого полушария мозга. И мы сотрудничали с группой ленинградских физиологов под руководством Л.Я. Балонова. Сейчас из этой группы осталась только лингвист Т. Черниговская. Балонов с женой жил летом в Эстонии, в Пеэду. У них был там небольшой дом. Это недалеко от Эльвы. В 1983 году Балонов умер на даче. Некоторое время спустя мы поехали с Юрием Михайловичем на поезде из Тарту в Пеэду, где жила вдова Балонова Д.А. Кауфман. Я нервничала, что-то перепутала, и мы вышли на остановку раньше. В Тыравере вместо Пеэду. Оттуда до Пеэду было около четырех-пяти километров. Ждать следующего поезда было долго, поэтому мы пошли пешком по шпалам. А это был сентябрь. Накрапывал дождь. Я была в полном отчаянии от своей рассеянности. Вне-